

Н.А. Шлемова

Метаисторический смысл Русской революции 1917-го года

В статье предпринята попытка трансфизического взгляда на Русскую революцию с точки зрения процессов космической эволюции, обуславливающих земную историю.

Ключевые слова: метаистория; духовные, материальные интеллектуальные ценности; многослойность бытия; силы света и силы хаоса; революция – эволюция.

Фанатизм, то есть предельная форма нетерпимости, есть утеря внутренней свободы. Фанатика поработает идея, она суживает его сознание, он перестаёт владеть собой.

Н. Бердяев «Царство духа и царство кесаря»

Тому, кто винит других, предстоит длинная дорога.

Тот, кто винит себя, уже прошёл половину пути.

Тот, кто не винит никого, дошёл до конца.

Буддийская мудрость

В данной статье мы попытаемся посмотреть на закономерности Русской революции с точки зрения не фактов исторической науки, а *метаистории* (термин Д. Андреева) как совокупности *иноматериальных* процессов. В собеседники мы приглашаем Даниила Леонидовича Андреева (1906–1959) — русского мыслителя-мистика, визионера и пророка, поэта и большого знатока отечественной и мировой истории, предвестника второго Осевого времени, автора книги-откровения «Роза Мира» (1958), над которой он работал в течение своего десятилетнего пребывания во Владимирской тюрьме, в годы сталинских репрессий. Д. Андрееву свойственно особое чувство истории как *живого потока*, нашего мира как кальки трансфизической реальности, многослойности бытия: видимого и невидимого.

Согласно Д. Андрееву, вся земная история есть борьба демонического и провиденциального начал, о том же говорил и Владимир Соловьев в метафизическом трактате «София», диалог второй: Космический и исторический процесс — как схватка сил Демиурга, или Логоса, и Духа хаоса, или Сатаны, божественных и антибожественных сил. «Духовные и материальные начала — едины» [3: с. 101].

Если предположить, что процесс космопланетарной эволюции движется по спирали, то нетрудно заметить, что каждые 100 лет историческая ситуация имеет свойство повторяться на новом витке спирали, хотя и в ином

качестве. Мы стоим на позициях, что исторический процесс — это космическое явление. Вслед за Платоном («Тимей») мы скажем: Космос разумен, что подтверждает принцип голографического строения Вселенной, принимаемый в современной космологии. Если произошли изменения в единой системе космической реальности, то они неизбежно отразятся на части Космоса — планете Земля, на человеке. Равно и все внутренние процессы в сознании человека и человечества отражаются на характере окружающей действительности, им же самим и создаваемой: война внутри — война вовне.

То есть ни одно крупное историческое событие не совершается без «мандата Неба». Посему сотрудничество с разумными силами Вселенной — высшее благо для человека на Земле. Есть идея — есть ее отражение в феноменальном мире, в явлении, ибо мир форм существует по отношению к миру идей. Недаром В.И. Ленин, вслед за К. Марксом, утверждал: идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой.

Я бы даже сказала, что идейный вождь Русской революции, пассионарий Владимир Ульянов-Ленин был космистом по складу мышления и типу интуиции. Его мозг служил каналом для провиденциальных сил. И, разумеется, Русская революция была закономерным продолжением Великой французской революции 1789 года, несшей в мир идеалы свободы, равенства и братства между людьми, цель которой состояла в том, чтобы покончить с исчерпавшим себя институтом абсолютной монархии и построить демократическое гуманное общество, в котором бы идущий по пути просвещения народ становился субъектом истории.

Другое дело, что универсальные законы, принципы и идеи Космоса отражаются в физической, грубо-материальной реальности, как правило, искаженно: как солнце в луже. Главной целью любой революции является свобода. Но какая свобода? Только ли в переделе собственности? Или в творчестве форм лучшей, одухотворенной жизни?

Пророческие строки Александра Блока в 1918 году: «Свобода, свобода, эх, эх, без креста» точно определили суть свободы в пространстве Русской революции. Без креста, т. е. без духа, но «свобода предполагает существование духовного начала, не детерминированного ни природой, ни обществом. Свобода есть духовное начало в человеке», — писал тогда же Н. Бердяев [2: с. 286].

Согласно видению и пониманию Д. Андреева, история — борьба влияния демиурга сверхнарода, к которому относится и русский народ, и воинствующего демона великодержавия на сознание царей, правящих классов и народных масс. Демонизм, в противоположность демиургизму, есть жизнь для себя и во имя свое, есть воинственное богоборчество, безбожие. «Всякий уицраор (демон великодержавия. — *Н.Ш.*) стремится к пожиранию своих порождений. Извечное стремление всякой державной государственности к уничтожению ядер государственности новой, возникающей в стихийности всех тех движений, которые стремятся к смене существующего народоустройства другим, — в сущности, не что иное, как отражение в историческом зеркале этих гнусных сцен, разыгрывающихся на изнанке мира» [1: с. 139].

По Андрееву, деяния Велги (имя великого коварного демона) — Великая Смута и Великая Революция. Ибо Велга питается эманациями крови, ужаса и страданий. Таким образом, идеал совершенного социального устройства демоническим началом был искажен, и залито кровью построение более совершенного общества — христианский принцип заменен принципом внешнего насилия.

«Именно это видим и в панорамах Гражданской войны, и в последовавших за нею этапах истории. Но это еще не значило, будто бы демоническое начало полностью захватило и контролирует и это движение, и психику людей, к нему примкнувших. Сколь ни снижалась их этическая практика и сколь враждебен ко всякой духовности ни становился их поработанный материалистической доктриной ум, но человеческие душевные движения, вытекавшие из бессознательной или сверхсознательной сферы, продолжали зачастую быть и возвышенными, и чистыми, и достойными. Отсюда вытекало и чувство товарищества, и жажда знания, и героизм, и самопожертвование, тем более ценные, что жертвующий своей жизнью ради блага грядущего человечества не рассчитывал на воздаяние в загробной жизни» [1: с. 208].

О конце российского великодержавия Андреев пишет так: «Треснула и расцелась сама имперская государственность, и сквозь образовавшуюся брешь миллионы человеческих душ увидели духовным зрением голубое сияние Навны (Идеальная Соборная Душа Российской метакультуры, условное название — в словаре Д. Андреева). Они увидели близость той, чье освобождение будет залогом осуществления метаисторической миссии русского народа, — путем ко всечеловеческому братству. Их сознания не могли вместить это лучезарное видение, но на несколько великих дней вся атмосфера их существа исполнилась неопишуемой радости и опьяняющей веры. То была вера в свершение вековой мечты, в наступление всеобщего счастья. То были незабвенные дни на рубеже февраля и марта 1917 года, когда священный хмель бескровной революции залил Петербург и Москву, катясь от сердца к сердцу, от дома к дому, по всей стране, по всем всколыхнувшимся, ликующим губерниям. Даже самые уравновешенные умы поверили на мгновение, будто Россия вступила в эру всеобщего братства, оставив позади всякое зло и указывая путь к мировой гармонии всем народам» [1: с. 207]. Выстрелы в Ипатьевском подвале в Екатеринбурге — расплата за грехи царской династии трех веков, считает Андреев, с чем трудно не согласиться, признавая закон причинно-следственной связи, или Кармы.

Вопрос о различии между духовными и материальными ценностями является кардинальным в жизни общества. Данное различие резко обозначилось с эпохи радицентризма XVII века, наметившего подмену духовного материальным, окончательно порвавшим с интенциями Осевого времени, когда разумный Космос и Бог были точками отсчета для думающего человека, по отношению к ним он выстраивал свою жизнь. Но когда начинает сам себе довлеть разум, или хуже, рассудок, желающий только господства над миром, а следовательно, отделяющий себя от мира-Целого, то понятно, что мы приходим к позитивистскому оскудению духовной жизни: к кризису религиозного

сознания, умиранию искусства, бесплодию или тупику философской мысли, к отделению себя от высших структур человеческой природы — Души и Духа. И человечество, в частности западное, быстро пошло этим путем ложного блеска: научно-технического прогресса, не осознавая, что наука в той же степени мифологична, как и рационален миф.

В революции как механизме коллапса и взрыва материи, с помощью которых она и развивается, заложен был огромный иррациональный импульс, заземлить который одними социальными факторами, работающими на материальный достаток, было нельзя — тому свидетельство духовная революция в искусстве и культуре Серебряного века, ставшая поистине русским ренессансом. Д. Андреев справедливо замечает, что духовное богатство находится отнюдь не в прямой зависимости от богатства материального. «Дурно отражаются на духовной деятельности только две степени материального достатка: нищета и роскошь» [1: с. 209].

Подмена понятия духовного понятием интеллектуального, причем с сохранением именно термина «духовный», столь повсеместна в России и на Западе, что становятся совершенно ясными ее смысл и цель. Ее смысл и цель — все в том же стремлении вывести человеческую психику из области высших ценностей в область ценностей утилитарных. Это стремление и его действительное осуществление составляют одну из главнейших сторон переживаемого нами этапа культурно-исторического процесса. Это связано, конечно, и с выхолащиванием далекого социального идеала, и с усилиями сделать это постепенно, «прикровенно», дабы общество, мало-помалу выхолащиваясь само и перерождаясь, не замечало образующегося вакуума, не замечало, как у него отнимают ценнейшие из ценностей и взамен подставляют другие, подчиненные, — объективно определяет Даниил Андреев.

«Провозглашать материальный достаток и внешнее покорение сил природы ради опять-таки материального изобилия человечества ценностью основной и наивысшей, целью организованной борьбы масс во всем мире, идеалом общественного развития, во имя которого следует приносить в жертву целые поколения и все, что относится к духовному ряду ценностей, — это и есть или трагическая ошибка, или полуосознанный обман. Однако же именно эта ложная мысль, иногда провозглашаемая полным голосом, иногда недоговариваемая до конца, но всегда присутствующая в комплексе революционных идей нашего века, определяет и характер идеалов, венчающих этот комплекс, и усвоенную им методику», — пронизательно и справедливо утверждает автор «Розы Мира» [1: с. 209].

И далее Д. Андреев точно характеризует сущность доктрины марксизма, не являющуюся столь очевидной на первый взгляд. «Доктрина, тесно связана генетически с предыдущими звеньями западной философской и научной мысли, даже с христианством, разрабатывалась, однако, при активной помощи тех сил, которые озабочены созданием мощного учения, долженствующего сделаться ведущим в человечестве, но ведущим по лестнице идейно-социальных подмен к такому состоянию общественному, культурному, психологическому

и техническому, откуда остается лишь один короткий скачок до *абсолютной единоличной тирании* (курсив мой. — Н.Ш.).

<...> Железно-упрямый, не желающий уступить ни пяди, буквально с пеной у рта отстаиваемый материализм; жгучая, до неистовства доходящая ненависть ко всему, что можно заподозрить в религиозности, в мистике или в идеализме; полное исключение духовных ценностей, приравнивание их к пережиткам древности и утверждение лишь материального и интеллектуального рядов ценностей; поставление во главу угла идеи о материальном изобилии большинства; благословение любых средств, если они способствуют достижению этой цели; провозглашение диктатуры пролетариата, затем подмена пролетариата одной единственной партией, а еще позднее — подмена партии фигурой единовластного вождя... — всё это и многое другое приобретает под новым углом зрения новый и достаточно зловещий смысл» [1: с. 211]. Смысл индустриализации — одного из главных мероприятий государства в 20-х и 30-х годах XX века — отнюдь не исчерпывается тем, что эта мера усилила обороноспособность страны, одновременно поднимая, хотя и черепашьими темпами, ее материальный уровень. Смысл индустриализации еще и в том, что она произвела насильственную ломку психологии крестьянства и интеллигенции, заставив Россию, как выразился Д. Андреев, «мыслить машинами», а в обществе распространяя тот психологический режим, при котором всё расценивается мерилom полезности, все чувствуют себя винтиками в гигантской машине и считают это нормой. «...режим, при котором вырождается искусство, становится государственной проституткой литература, умирает религия, опошляется культурное наследие и выхолащивается этика, это *психологический режим бездуховности*» [1: с. 212].

«К тому времени уже давно было сконструировано, свинчено и поваплено то, что должно было заменить собою церковь как водительницу душ, как учительницу жизни, как массовую организацию. Эта квазицерковь приняла от своей предшественницы и ее исконную догматическую неколебимость, и свойственное ей сочетание централизованности с демократизмом, и ее систему сурового внутреннего подчинения, и ее претензии на роль единственного индикатора истины. Постаралась имитировать даже то душевное тепло, которое свойственно церкви. Идейное и структурное единство партии охранялось такими же беспощадными мерами, какими некогда, в века своего становления, христианская церковь оберегала свое единство, вступая в жестокую борьбу с любой ересью. А исключение провинившегося члена из лона квазицеркви стало таким же страшным наказанием и воспринималось несчастным столь же трагически, как в Средние века воспринималось отлучение от церкви» [1: с. 213].

Человек какого образа воспитывался этой всеобъемлющей педагогической системой? Каков был ее идеал?

«Она развивала в испытываемом *смелость*, ибо смелость эта была нужна государству для борьбы с врагами и для грядущих боев за всемирную власть. Воспитывалась *воля*, но такая воля, которая покорна государству и квазицеркви и тверда в осуществлении их — и только их — директив. Воспитывалось

чувство товарищества, но товарищества по отношению только к тем, кто неукоснительно и твердо отстаивал дело именно этого государства и этой квазицеркви. Воспитывались *правдивость и честность*, но честность особого рода: такая честность, когда человек, не колеблясь, предаст товарища, друга, отца, выдаст любую доверенную ему тайну, если они хотя бы в деталях противоречат интересам государства и указаниям квазицеркви. Воспитывалось *творческое отношение* к труду — всё ради эффективности трудовых процессов в интересах той же квазицеркви и того же государства. Поощрялась *жажда знания*, но направлялась она по строго определенному руслу: такому руслу, которое обеспечивало технический прогресс и формирование определенной идеологии. Всё это окрашивалось тщательно культивируемой, выращиваемой, питаемой, подогреваемой ненавистью к врагу, причем врагом считался каждый мыслящий иначе, чем квазицерковь.

В итоге получалась развитая, энергичная, жизнерадостная, целеустремленная, волевая личность, по-своему честная, по-своему идейная, жестокая до беспощадности, духовно узкая, религиозно-невежественная, зачастую принимающая подлость за подвиг, а бесчеловечность — за мужество и героизм. Создавался законченный тип самоуверенного фанатика, воображающего, что его государство — лучшее из всех государств в мире, его народ — талантливее всех народов, его квазицерковь — ковчег абсолютной истины, его идеология — безусловно правильна, его вождь — непогрешим не только *ex cathedra*, но и во все минуты своей жизни, всё же остальное — ветошь, исторический мусор, только мешающий жить и осужденный на безжалостное уничтожение» [1: с. 214]. (Читатель может задать мне закономерный вопрос: зачем же вы вслед за Андреевым так припечатали русский народ? Андреев знал только охранников и офицеров КГБ, а народ вовсе не знал. Народ все видел и жалел лагерников, и рисковал, помогая им, и все же рвался на фронт защищать свою побитую Родину. Отвечаю: любя и уважая русский народ и являясь его частью, я не склонна его идеализировать, осознавая резкие полярности в природе русских.)

«<...> демонический разум не смотрел на Доктрину (марксизм. — *Н.Ш.*) как на единственное, что может и должно объединить мир. Интернациональная революционная Доктрина — прочное всемирное бездуховное объединение» [1: с. 214], — заключает Д. Андреев. Ленин, по мнению Д. Андреева, хотя и был интернационалистом не на словах, а на деле, во многом, неосознанно, в силу условий диктата отсталой социальной действительности, был осуществителем темной миссии, но он глубоко верил в то, что его деятельность направлена на благо человечества, слишком искренне впитал в себя демократические идеалы предыдущих поколений, был очень интеллигентен и не склонен к тирании.

Таким образом, на примере приводимого Даниилом Андреевым метаисторического материала мы сталкиваемся с иной интерпретацией известных фактов истории, в которой автор убеждает нас, что исторические процессы инициированы процессами невидимой, трансфизической реальности, являются отражением борьбы, идущей на разных уровнях разумного Космоса, цель эволюции

которого — одухотворение материи, доведение ее до качества пластичности воли Духа, и достижение мировой гармонии — т. е. единства в лоне Единой Жизни.

У человечества всегда есть выбор, по какому пути двигаться, кому служить — Богу или сатане, оперируя методами старого социологического мышления или нового, космического; отчетливо различать между «Божиим» и «ке-саревым». Ведь исторические потрясения, кризисы — это всегда испытание на прочность человеческой природы, переоценка ценностей, ускорение развития и подтверждение зрелости сознания. Д. Андреева можно считать последователем Вл. Соловьева, который писал о том же выборе в своей пророческой антиутопии «Повесть об Антихристе».

Космизм как вектор эволюционного мышления становится частью национальной идеи России. Кстати, вождь Русской революции это понимал.

Литература

1. Андреев Д. Роза Мира. М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1992. 282 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2004. 336 с.
3. Соловьев Вл.С. «София» // Соловьев Вл.С. Пол. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 2: 1875–1877. М.: Наука, 2000. 394 с.

Literatura

1. Andreev D. Roza Mira. M.: Tovarishhestvo «Kly'shnikov-Komarov i K», 1992. 282 s.
2. Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii. M.: AST, 2004. 336 s.
3. Solov'ev Vl.S. «Sofiya» // Solov'ev Vl.S. Pol. sobr. soch. i pisem: v 20 t. T. 2: 1875–1877. M.: Nauka, 2000. 394 s.

N.A. Shlemova

Metahistorical Sense of the Russian Revolution of 1917

In the article the author makes an attempt of a transphysical look at the Russian revolution from the perspective of the process of cosmic evolution, causing the earth's history.

Keywords: metahistory; spiritual, material, intellectual values; multilayer being; the powers of light and the powers of chaos; revolution – evolution.